

Татьяна Устименко, Ольга Вольска

Цикл «На страже двух миров»

**ЧУЖОЕ ПРОКЛЯТИЕ
ВСЕ ИЛИ НИЧЕГО
СОКРОВИЩЕ ДВУХ МИРОВ**

Татьяна Устименко

**НЕВЕЗУЧИЕ
БОГАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ
ВТОРОЕ ПРОРОЧЕСТВО**

Цикл «Хроники Рыжей»

**СУМАСШЕДШАЯ ПРИНЦЕССА
ЛИЦО ДЛЯ СУМАСШЕДШЕЙ ПРИНЦЕССЫ
ПРИНЦ ДЛЯ СУМАСШЕДШЕЙ ПРИНЦЕССЫ**

Цикл «Экзорцисты»

**ДОЧЬ ГОСПОДНЯ
ЭРА ЗЛА**

Цикл «Звезда Блентайра»

**ЗВЕЗДА МОЕЙ ДУШИ
ЗВЕЗДА МОЕЙ ЛЮБВИ
ЗВЕЗДА МОЕЙ СУДЬБЫ**

Татьяна Устименко, Ольга Воляска

Сокровище двух миров

Роман

Москва, 2013
ЭАРМАЛА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
У80

Художник
А. Клепаков

Устименко Т. И., Вольска О.
У80 Сокровище двух миров: Фантастический роман. —
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 344 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1553-3

Засвидетельствовать похороны? Всегда пожалуйста! Сунуть нос в тайны ордена иезуитов? С превеликим удовольствием! Охмурить великого инквизитора? Нет проблем! Найти сокровище двух миров? Обязательно!

Невыполнимых миссий нет. Есть специальный отдел кардинала Златы Пшертневской. И если сами приказали выполнять задание — тогда не жалуйтесь!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1553-3
© Устименко Т. И., Ольга Вольска, 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

Невозможно выбрать меньшее из двух зол, ибо зло, каким бы крохотным оно ни было, никогда не станет добром.

NN

Когда разум не находит слов, пусть говорит сердце.

Надпись на старинной квиддере

ПРОЛОГ

Достопочтенный Ирраеэль Крайэн-э'Тимеро неотрывно смотрел в узкое окно, из которого открывался вид на штурмуемые крепостные стены. Печальное зрелище. То тут, то там вспыхивали языки кровавого пламени. Но и они были бессильны оплавить заговоренный камень. Защитники цитадели Крайэн стояли насмерть. Ирраеэль в отчаянии стиснул кулаки. Еще немного — и защита не выдержит, люди ворвутся в крепость. Глава клана Крайэн-э'Тимеро перевел взгляд на стол. На темном дереве, распластав светлые углы, лежало величайшее сокровище клана — Карта великих сражений. Да только, увы, сейчас оный артефакт, уже неоднократно предсказавший исходы величайших битв, ничем не мог помочь своим создателям... Сколько бы ни пытался Ирраеэль перекроить ход нынешнего сражения, карта упрямо твердила — цитадель Крайэн должна пасть.

А перед глазами архонта уже плыли жуткие картины: вот рушится стена и люди лавиной вливаются во двор — жгут, крушат, сеют смерть... На секунду Ирраеэлю представилось, что величайшее сокровище клана очутилось в человеческих руках, и старейшина семьи Крайэн, немало повидавший на своем веку, вздрогнул от ужаса. Сегодня превратится в пепелище его дом, а завтра, если у людей окажется Карта, — сотни других домов, точно так же кому-то дорогих и памятных. Архонт схватил подсвечник с горящей свечой, решительно шагнул к столу, но вдруг заколебался. Уничтожить величайшее творение семьи Крайэн, сжечь память об искуснейших

мастерах, посвятивших созданию карты не год и не два?.. Старый архонт поставил подсвечник обратно. Мелькнул в руке нож, и полотно, отражавшее битву на стенах цитадели, являющейся родовым гнездом клана, мгновенно оказалось разделено на четыре части. Теперь дело за малым...

Ирраеэль испытующе смотрел на обступивших его архонтов, будто стремился проникнуть в их души. Далларэль — старший сын, кому, как не ему, поручить часть сокровища? Бастиэль и Надираэль, потомки создателей артефакта, сохранят свои части не хуже наследника. Глава семьи Крайэн перевел взгляд на двоих оставшихся — Къяра и Нагриэль... Архонт предпочел бы не впутывать в это опасное дело дочь, но отправить Нагриэля одного невозможно. Всем давно известно, что эти двое — единое целое.

— Дорогие мои, каждому из вас я доверяю частицу величайшего сокровища, — враз осипшим голосом проговорил Ирраеэль. — Схороните их так, чтобы они никогда не попали в жадные человеческие руки. Спешите, портал цитадели уже и так нестабилен, еще немного — и в него не пройти! — Глава Крайэнов повелительно махнул рукой.

Теперь о карте можно не беспокоиться. Словно сбросив с плеч тяжкий груз, Ирраеэль как-то сразу ссутулился и осунулся. Да, стены вот-вот должны пасть под натиском человеческих войск, но долг старейшины клана — спасти тех, кто еще жив. Глупо защищать то, чего уже нет. Ирраеэль приказал трубить отход. С горечью смотрел он на своих усталых, израненных кланников. Дорого далась им эта защита — от клана осталось меньше половины.

— По праву старейшины клана, — голос архонта был хрипл, — приказываю покинуть стены цитадели и отступить под защиту старшей семьи — клана Мираэн-э'Тимеро.

— Да, лэрд!

Досточтимый Ирраеэль Крайэн-э'Тимеро наблюдал, как его семья постепенно скрывается под сводами тайного хода, ведущего далеко за пределы цитадели. Последним спускался совсем молодой архонт — один из его младших внуков, Риддаэль, уже сейчас заявивший о себе как о перспективном и талантливом мастере знаний. Цитадель содрогнулась. Риддаэль обернулся на ступеньках и кинулся назад:

— Мой лэрд, скорее!

Но Ирраэль жестом остановил его.

— Негоже, чтобы хозяин дома не встречал гостей, — с горечью произнес он. — Я, Ирраэль Крайэн-э’Тимеро, — хозяин этого дома и встречу их, как подобает старейшине клана. А ты ступай с миром, чадо мое.

— Но лэрд...

— Иди! — Старый архонт повелительно взмахнул крылом, толкая несговорчивого юношу в темный коридор.

Тот снова рванулся назад, но проход, повинувшись желанию Ирраэля, стремительно зарастал камнем. Глава семьи Крайэн еще слышал, как Риддаэль бессильно колотит по стене с той стороны кулаком и отчаянно ругается. Но он уже все решил для себя...

Кирриэль Мираэн-э’Тимеро спешил изо всех сил. Его отряд вот-вот достигнет цитадели Крайэн. Вопреки строгому приказу старейшины клана Мираэн «не вмешиваться!» Кирриэль поднял свой отряд в атаку и кинулся на помощь к погибавшим в осаде бойцам рода Крайэн-э’Тимеро. Честолюбивый советник главы клана Мираэн не мог допустить, чтобы величайшее сокровище семьи Крайэн угодило в руки к людям. Карта великих сражений должна принадлежать его семье! Он не сомневался, что если спасет членов младшего клана Тимеро, те в благодарность сами отдадут ему карту. Но все чаяния достойного Кирриэля рассыпались прахом, стоило лишь ему увидеть выбиравшихся из тайного хода потрепанных кланников семьи Крайэн. Те, завидев отряд, кинулись к нему.

— Лэрд Кирриэль!..

— Да что же это...

— Может, не поздно еще...

Последним из хода, со значительным опозданием, выбрался молодой архонт. Земля содрогнулась, и в небо взметнулся столб огня, кровавым языком прорезавший сумеречное небо. Кирриэль в ярости скрежетнул зубами и сжал кулаки.

— Поздно... — Риддаэль Крайэн-э’Тимеро кулем осел на землю, обхватив голову руками. — Цитадель Крайэн пала...

Часть первая

КУСОЧКИ ГОЛОВЛОМКИ

ГЛАВА 1

Будильник, неудачно пристроенный на книжной стопке и давно считавшийся нерабочим, неожиданно разразился тревожным хриплым звоном. Соскользнул, звучно грохнулся об пол и продолжил истерически надрываться уже под диваном. Секунду спустя к нему присоединился мобильный телефон. Трагично взыв, он вывалился из-под подушки и тоже очутился на полу, затерявшись между креслом и разбросанными вокруг него книгами. Крылатый лорд, капитан Священной Стражи, аналитик специального отдела при Дипломатическом корпусе Единой всеблагой матери-церкви, а со вчерашнего дня еще и директор главного городского архива, Риддаэль Крайэн-э'Тимеро механически сел на постели, все никак не в силах избавиться от липких тенет кошмарного сна.

«Цитадель Крайэн пала...» — эти слова звучали у него в висках, будто стук молотка по крышке гроба. Сколько лет минуло с того страшного дня, а воспоминания о событиях, свидетелем и участником коих ему пришлось стать, оставались все такими же яркими. В жизни каждого из нас есть секунды, которые хочется сложить в шкатулку с драгоценными камнями и надевать вместо украшений. А бывает и наоборот — от некоторых секунд ты готов избавиться любой ценой. Но, увы, не получается... И вот во сне ужасное прошлое вновь настигло его. Рид с нажимом помассировал виски. Кажется, спокойная жизнь грозит закончиться, так толком и не начавшись. При всей своей приверженности к церкви и непоколебимой вере святой отец обладал изрядной долей суеверности. Он остерегался черных котов и верил в негативное воздействие пустых ведер. А еще он верил в сны... Особенно в

такие, ибо за множество прожитых лет Рид четко усвоил: если тебя настигли отголоски прошлого, значит, жди беды.

На полу, нервно подпрыгивая, дребезжал будильник. Подкатившись к ножке дивана, он заставил старенькую мебель заходить ходуном. Телефон церковным набатом надрывался где-то между книгами. Архонт с тяжким вздохом сполз на пол и на четвереньках кинулся разыскивать истерично орущий мобильник. Обнаружив его между Роджером Желязны и собранием сочинений Фейхтвангера, он наконец-то принял вызов и вполтину сократил шумовые эффекты в своей квартире. Затем взялся доставать окончательно закатившийся под диван будильник.

— Рид! — Из трубки доносился слегка недовольный голос госпожи кардинала, которая не слышала ничего внятного, лишь какую-то дурную возню и странное металлическое дребезжание.

Но вот архонт все-таки нашарил нервные часы и победно выудил их наружу. За будильником тянулись длинные махры скопившейся под диваном пыли.

— Рид! Что ты там вытворяешь?! — Злате приходилось фактически кричать, чтобы перекрыть противный, надрывной звук.

Тут святому отцу удалось-таки прижать молоточек, и будильник обиженно заткнулся.

— Ф-фу... — Архонт обессиленно привалился к дивану.

— Рид! — Недовольный вопль, значительно искаженный паршивым динамиком, беспощадно резанул по уху.

— Незачем так кричать, я и без этого тебя прекрасно слышу! — поспешил успокоить Злату священник, болезненно морщась.

— Что за мракобесие творится у тебя в квартире?!

— А... Будильник воскрес из мертвых, — отмахнулся архонт. — Уже лет семь не звонил, а сегодня вдруг отчего-то сработал.

— Ну, значит, будешь должен мне слуховой аппарат, — саркастически подытожила госпожа кардинал. — Я едва не оглохла! И вообще, у тебя пятнадцать... Нет, осталось уже десять минут, чтобы умыться, побриться и добежать до отдела, — закончила она приказным тоном.

— Э? Какого отдела?

— Специального, — любезно подсказали из трубки. — При Дипломатическом корпусе...

— Но у меня сегодня первый рабочий день в архиве... — жалобно возмутился Рид.

— Отменишь!

— Но...

— Бегом! — Трубка рявкнула так, что Рид автоматически подхватился на ноги и зашарил взглядом по комнате, разыскивая одежду. Возражать было уже некому — из динамика доносились длинные заунывные гудки.

Архонт растерянно воззрился на зажатый в руке будильник. Стрелки, как и много лет подряд, неизменно показывали четыре часа. Рид сверился с таймером на телефоне — четыре часа и десять минут раннего, суматошного утра. Священник вновь перевел взгляд на будильник. Секундная стрелка оставалась недвижима — часы стояли. Рид обеспокоенно пожал плечами, аккуратно поставил будильник на место и принялся поспешно одеваться.

Много ли найдется в жизни вещей, способных заставить нас удивляться, недоумевать и одновременно с этим испытывать раздражение? Одна-две точно есть, а если основательно покопаться в себе, то их может набраться и до десятка. Госпожа кардинал усиленно размышляла, когда же она сталкивалась с такими вещами в последний раз, с удивлением наблюдая, как какие-то незнакомые люди с хозяйским видом расставляют в ее кабинете коробки и ящики с эмблемой ордена иезуитов, или Общества Иисуса, как он официально назывался. Сами же служители сего почтенного ордена сновали по коридорам церкви Святого Матиаша весьма шустро, словно вспугнутые тараканы, не обращая ровным счетом никакого внимания на кучку людей, столпившихся возле окна. Сотрудникам специального отдела при Дипломатическом корпусе Единой всеблагодать матери-церкви оставалось только растерянно вертеть головами, созерцая творящееся вокруг безобразие.

В конце концов Злата не выдержала. Полученное ночью уведомление, исходящее от кардинала Дэпле, недвусмыс-

ленно предписывало всем ее подчиненным как можно скорее собраться на рабочем месте и приступить к активным действиям. Однако каково же было удивление сотрудников спецотдела, когда выяснилось, что рабочего места у них уже нет... Зато в их прежних кабинетах беззастенчиво орудует представительство ордена иезуитов, въезжающее на новую жилплощадь. Их бывшую жилплощадь! Очень быстро удивление дипломатов переросло в недоумение, которое в свою очередь так же скоропостижно перетекло в недюжинное раздражение. Посему госпожа кардинал решила, что хорошего помаленьку, и перешла к активным действиям...

Первый же перехваченный в коридоре иезуит оказался заместителем главы представительства. Сам же глава, его благочестие брат Юлиан, сейчас находился в отъезде.

— Святой отец, потрудитесь объяснить, что за бардак творится на моей территории? — сердито осведомилась госпожа Пшертневская, она же княгиня ди Таэ.

Хьюго, Анна и Эрик пытливо воззрились на иезуита из-за спины начальницы.

— По воле Бога и святого синода наш благочестивый орден получил сии непорочные апартаменты во владение, — чопорно откликнулся сутуловатый, благообразный старец, молитвенно сложив руки на груди.

Злата переглянулась с остальными.

— Но позвольте, а нам теперь куда прикажете деваться? — Госпожа кардинал воинственно уперла руки в бока и подавалась вперед.

Князь Эрик ди Таэ исподволь глядел на жену, приходя к справедливому выводу, что в гневе она еще красивее. Интересно, выдержит ли этот чахлый иезуит ее гневную вспышку? По мнению князя, у святоши нет ни единого шанса.

Старец торжественно возвел очи горе и развел руками.

— На все воля божья, дочь моя, — отвечивал он, улыбаясь фальшивой благообразной улыбочкой.

— Воля божья? — Злата недобро прищурилась. — Хорошо, будет вам сейчас воля божья! — Она чуть отошла в сторону и яростно защелкала кнопками мобильного.

— Куда она звонит? — забеспокоился пожилой иезуит.

Трое сотрудников специального отдела при Дипломати-

ческом корпусе Единой всеблагой матери-церкви многозначительно переглянулись.

— Туда, — хитро ухмыляясь, дал исчерпывающий ответ князь ди Таэ, тыкая пальцем в потолок.

— Туда-а? — Монах побледнел.

— Ага! — Трое дипломатов усердно закивали, всем видом показывая, что у них и в небесной канцелярии связи найдутся.

Злата уверенным шагом приблизилась к ним и с победным видом поднесла телефон к уху старика. Тот слушал, и лицо его становилось все бледнее, выражение глаз — все жалобнее, а робкие поддакивания — все тише. Сеанс связи закончился, и госпожа кардинал спрятала телефон в складках платья.

— Орден иезуитов в моем лице приносит вам свои глубочайшие извинения, госпожа Пшертневская, — виновато поклонился оппонент. — Ваш кабинет будет немедленно освобожден и вновь перейдет в ваше личное пользование.

Злата благосклонно кивнула, показывая, что и извинения, и кабинет приняты. Затем вновь извлекла телефон и набрала номер отца Рида. Сейчас ей требовалось сконцентрировать все имеющиеся в наличии силы...

Развевая полы сутаны и придерживая норовящие слететь очки, отец Рид опрометью промчался по коридору и ввалился в кабинет госпожи кардинала. Налетел на выходявшего оттуда служку с объемистой картонной коробкой и вместе с ним чуть не растянулся на полу. Содержимое коробки, изрядно деформированной от полученного удара, частично рассыпалось по полу. В другой раз щепетильный архонт наверняка бы с извинениями кинулся исправлять содеянное, но сейчас он был слишком взвинчен.

— Он сказал «поехали!», он взмахнул рукой, словно вдоль по Питерской, Питерской, пронесся над землей... — раздавалось у него над головой. Голос был спокоен и чуть насмешлив.

— Простите? — Рид беспомощно шарил руками вокруг и подслеповато щурился на размытую кляксу перед собой.

Клякса вздохнула и, потянувшись к архонту, небрежно

водрузила тому на переносицу утерянные очки. Священник растерянно заморгал. Перед ним на корточках сидел Профессор.

— Хотелось бы знать, к чему такая спешка? — В руке Вилдара Криэ дымилась неизменная трубка, а рядом стоял потрепанный дорожный саквояж.

Пострадавший служка тем временем поспешно сгребал бумаги обратно в коробку. Вилдар рывком поставил неуклюжего коллегу на ноги и прошествовал из приемной непосредственно в кабинет Пшертневской. Рид повздыхал и направился за ним.

Сотрудники отдела, сгрудившиеся у стола, дружно вскинулись на звук открываемой двери. Профессор окинул кабинет пристальным взглядом, задержался на непривычно пустовавшем подоконнике и озадаченно кашлянул. Все остальные, в свою очередь, удивленно воззрились на него.

— Профессор, вы ведь сейчас, кажется, должны подъезжать к Вене? — Злата была сильно озадачена появлением Криэ, но вместе с тем изрядно обрадовалась данному событию.

— Должен, — утвердительно кивнул он, — но не подъезжаю. Кардинал Дэпле отказался подписать мое прошение об отставке, ссылаясь на некие непредвиденные обстоятельства. Не объясните ли, господа, что тут происходит и почему меня в срочном порядке сняли с поезда? А еще хотелось бы узнать, что здесь делают иезуиты? — Профессор, как и все остальные, пребывал глубоко не в духе, отчего его природное любопытство еще более обострилось.

— Присаживайтесь, — устало махнула рукой Злата.

Рид и Криэ заняли свободные кресла. Госпожа кардинал передала им уже изученные бумаги.

— По-моему, над нами издеваются, — ехидно заметил Криэ, наскоро пробежав взглядом документацию. Заметив укоризненные ухмылочки остальных, Вилдар понял, что эта мысль уже утратила новизну и он просто подтвердил очевидное.

Госпожа кардинал озабоченно потеряла переносицу, собираясь с мыслями.

— Итак, уважаемые господа дипломаты, что мы имеем, —

решилась подытожить она. — Его светлости господину кардиналу Дэпле срочно понадобились возможные козлы отпущения, и он не придумал ничего лучше, как вновь собрать нашу выдающуюся компанию под сводами собора Святого Матиаша. Правда, пока лишь временно и с множественными ограничениями. В том числе и пространственными... — Злата многозначительно кивнула в сторону еще не убранных коробок с эмблемой иезуитов. — Мне удалось в качестве аванса получить назад свой кабинет, кабинет Рида и малый архив, который по причине жуткой забардаченности даром никому не нужен.

— Да... — пробормотал Хьюго де Крайто, вспоминая свой последний визит в архив. — После ухода Миласы там действительно немного... э-э... хаотично...

— Так вот, — вновь заговорила госпожа кардинал, — если мы не разберемся с навязанным заданием, то сегодняшней аванс переключается к иезуитам, а мы с вами окажемся на улице. А задание... Сами видели, какое у нас задание... — Она озабоченно провела рукой по лбу.

— А все потому, что никому, кроме нас, такое не по плечу, — ехидно заметила Анна. — Впрочем, как всегда.

— Кхм, пани Злата, — Профессор сверился с бумагами, — позвольте уточнить пару моментов... Позавчера в Санкт-Петербурге, в Александро-Невской лавре, от острой сердечной недостаточности скончался инок этой самой лавры — брат Андрей. Но при омовении тела покойного, в чьей естественной смерти ни у кого не возникло сомнений, вдруг обнаружилось, что усопший инок, кхм, не совсем человек... Вернее, как бы это покорректнее сформулировать, совсем не человек...

— Да, — согласно кивнула она. — Брат Андрей оказался альвом...

— А до этого он благополучно прожил в монастыре пять лет, был пострижен в монахи и намеревался принять великую схиму. Неужели за эдакую уймащину времени никто не сообразил, что перед ними представитель древней расы? — недоверчиво нахмурился Криэ.

— Не вижу в этом ничего удивительного, — отмахнулся Эрик. — Внешне альвы мало чем отличаются от людей. А то,

что у них руки до колен и ноги короткие, так у иного человека и не такие уродства случаются. Клановую же татуировку не так уж и сложно спрятать. Например, под наметкой монашеского клобука, волосами или повязкой. Хотя, если мне не изменяет память, нашего покойника именно по ней и вычислили...

— Кстати, а почему именно спрятать? — удивился Профессор. — Ведь куда выгоднее ее свести.

— Видите ли, в чем дело, Вилдар... — Князь ди Таэ задумчиво подпер подбородок кулаком. — Клановая татуировка у альвов занимает шею и щеку. Так вот, ту часть, что находится на шее, свести невозможно: она магически привязана к вросшему в плоть самоцвету, сквозь который проходит сонная артерия. А любое повреждение татуировки на шее ведет к уничтожению камня и, следовательно, к смерти носителя.

— И от нас требуется всего лишь присутствовать на похоронах этого конспиратора? — Рид пытливо взглянул на коллегу из-под очков, сползших на самый кончик носа. На самом деле архонта сейчас куда больше волновало, что подумает о нем Лисса, когда он не явится в архив. А поэтому все его мысли о привалившем задании сводились к одной-единственной: «Только бы не меня туда послали!»

— Ну настоятеля можно понять, — посочувствовал Криэ, тоскливо глядя на давно погасшую трубку. Злата, проследив за его взглядом, милостиво кивнула, и Профессор достал кисет с табаком, вознамерившись вновь предаться любимому пороку. — Если сородичи усопшего пронюхают, что он почил и спешно похоронен в стенах человеческого монастыря, то раздуть грандиозный скандал не составит труда. Ибо альвы — наиболее вздорная, подозрительная и некоммуникабельная раса из всех древних.

— Да. И посему от нас требуется засвидетельствовать, что тело не подвергалось никаким надругательствам и похоронено согласно каноническому обряду, — исчерпывающе закончила госпожа кардинал.

— А что за камень был у покойника? — дотошно осведомился почтенный господин Вилдар.

— Изумруд, — коротко бросила Анна.

Над столом повисло молчание, нарушаемое лишь моно-

тонным тиканьем часов на стене. Криэ задумчиво посасывал трубку. По кабинету расплзался дым и терпкий запах крепкого табака, словно подводя закономерный итог всему вышесказанному. Да-а, изумруд — это серьезно: мудрость и хладнокровие. И мертвец скорее всего при жизни принадлежал к семье хранителей знаний. Ну и дела! Охохонюшки, будто им мало было Сарагосской рукописи!

Злата задумчиво глядела на своих подчиненных. Прикидывала, какую бы комбинацию запустить для решения возникшей проблемы. И глаза ее непроизвольно косились на окно.

Окинув взором собравшихся, Профессор вдруг пришел к выводу, что все, так или иначе, периодически посматривают на непривычно пустой подоконник. Там сейчас очень не хватает одного весьма неординарного человека...

— Вы думаете о том же, о чем и я? — риторически спросил он.

Коллеги многозначительно переглянулись. Злата иронично усмехнулась и потянулась к АВС — аппарату внешней и внутренней связи.

Пронырливые лучи раннего августовского солнца слепо шарили по скромному убранству гостиничного номера, время от времени запутываясь то в черных, то в жемчужно-русых волосах обитателей комнаты, мирно вкушавших заслуженный сон. Один из лучей скользнул по исцарапанному дисплею лежащего на тумбочке мобильного, и экран, будто повинувшись волшебному прикосновению, вспыхнул зеленоватым светом. Телефон, издавая противное жужжание, пополз к краю. Радислава резко вскинулась и, вывернувшись из-под руки Виктора, поспешила схватить трубку. Та продолжила трястись мелкой дрожью уже в ладони. С дисплея на оборотничку недовольно таранилась какая-то монструозная тетка, а «плавающая» по лицу надпись сообщала, что тревожить своего сотрудника в такую рань соизволила его непосредственная начальница. Радислава иронично хмыкнула и решила ответить.

— Преисподняя слушает, — хрипловатым со сна голосом сообщила она.

— Ага-а, — многозначительно проговорили в трубке. Оборотничка мгновенно уверилась, что звонит именно господа кардинал. — Радислава, где там Виктор? Подайте-ка его сюда!

— А как подать? С петрушкой или с сельдереем?

Из трубки донесся сдавленный смешок. Насколько смогла различить менестрель, Пшертневская находилась у телефона не одна. Там явно прослушивались еще как минимум человека три.

— Да хоть в ананасах! — Злата попыталась придать голосу как можно больше серьезности. Эрик с Анной уже откровенно хохотали у нее за спиной. Как и у всех, кто работает с магией, образное мышление у них было хорошее. — Где он там?

— Вообще-то он спит... — рассеянно откликнулась Радислава.

— Так разбудите! — Начальство начинало терять терпение.

— Ну уж нет! — безапелляционно заявила оборотничка. — Я еще жить хочу!

— Ладно, — как-то подозрительно быстро согласились в трубке. — Положите телефон ему под ухо и включите громкую связь. Улаживание последствий я беру на себя.

Менестрель пожала плечами и, проворно приладив телефон на подушке, поспешила ретироваться с кровати.

— Кх-кхм, — подготовительно прокашлялся мобильный.

Девушка пытливо косилась на телефон. Сделать мелкую шкodu ближнему, да еще чужими руками, да еще потом за это не отвечать, — что может быть лучше? Телефон снова кашлянул и...

— Виктор, душа моя... — с томным придыханием донеслось из динамика. Байкер беспокойно шевельнулся. Радислава едва успела зажать себе рот, чтобы не начать безудержно хихикать. — **ПРОСЫПАЙТЕСЬ НЕМЕДЛЕННО!** — во всю мощь рявкнула трубка, подскочив на подушке.

Оружейник резко сел на постели, ошалело озираясь по сторонам. Его подруга с истерическим хохотом сползала по стене.

— И приснится же такой бред... — пробормотал Виктор, не понимая, что происходит.

— Виктор, да соизвольте же наконец взять в руки телефон! — грозно вещал динамик печально знакомым голосом Златы.

И байкер понял, что кошмар его продолжается въяве.

— Я вас слушаю, госпожа кардинал, — уныло отвечивал он, понимая — плакал его отпуск.

— Отлично, — довольно донеслось из динамика. — Дождитесь «Элову арфу». Эорлин-ши передаст вам все необходимые бумаги и без промедления доставит в Петербург.

Виктор с Радиславой переглянулись — похоже, не все так плохо.

— Виктор, запомните, я вас не развлекаться туда отправляю! — построжела госпожа кардинал. И двойной тяжелый вздох стал ей ответом. Несколько секунд из трубки доносилось только невнятное шушуканье: видно, стоящие над душой у начальницы коллеги уговаривали ее сменить гнев на милость. — Ладно, — смягчилась Злата. — Это задание не займет больше двух дней. Потом, так и быть, я оформлю вам неделю отпуска за свой счет.

— За ваш? — недоверчиво переспросил байкер.

— Нет, за ваш! — быстренько уточнила госпожа кардинал. — Но только если все пройдет нормально, а не как обычно! Усвоили? Тогда отбой. Дождитесь Эорлин-ши и отправляйтесь...

Виктор уныло разглядывал замолчавшую трубку.

— Ну что ж, — пробормотал он, — по крайней мере, конечный пункт назначения остался неизменным. И на этом спасибо. А то ведь могли и в какую-нибудь Тмутаракань отправить...

Радислава подседа к нему, утешительно обняв за плечи. Да уж, шкода удалась, ничего не скажешь. В душе оборотнички шевельнулась тревога. Перед глазами на секунду мелькнули купола с крестами, сменившиеся сполохами огня. Менестрель тряхнула головой, избавляясь от неуместного видения и тихонько проклиная дар всевидящего скальда, доставшийся ей от судьбы.

Свинцовое небо тевтонским щитом нависало над землей, готовое в любой момент разразиться промозглым дождем.

Густые леса, раскинувшиеся в этой части немецких земель, с каждым днем роняли все больше листьев, расцвечивая яркими пятнами высыхающую траву и кусты, уже прихваченные первыми ночными морозцами. Осень, наплевав на все календарные сроки, вступала в свои права, уверенно вытесняя робкий август.

Крутой обрыв айсбергом возносился над мрачным лесным морем, будто на гребне волны поднимая к пепельному небу главную резиденцию Серого ордена в Германии — замок Вартбург. Южная башня цепляла низко проплывающие серые облака. Основанный Людвигом Первым Тюрингским, давший приют талантливейшим миннезингерам, ставший свидетелем знаменательных споров Мартина Лютера с дьяволом, слышавший последние прорицания сильнейших ясновидцев во время войны Двух Миров, замок Вартбург будто в насмешку был отдан на откуп инквизиции, разместившей там свое представительство. Окутанный легендами и магией, замок на долгие годы стал пристанищем гонителей ереси.

Святой отец Габриэль Фарт, вот уже шесть лет возглавлявший отделение инквизиции в Германии, не любил Вартбург. С самого первого дня своего пребывания в этой крепости он так и не смог отделаться от дурного ощущения нереальности происходящего. Семь лет назад Фарт и представить не мог, что он, экзорцист первой ступени, преподаватель духовного факультета Венского университета, застрянет здесь сначала в качестве старшего дознавателя, а позже — и главы представительства святой инквизиции. Но все же это значительно лучше, чем предстать в роли обвиняемого перед комиссией церковного трибунала... Все же здесь, среди глухих тюрингских лесов, его дар экзорциста привлекал куда меньше внимания и приносил значительно больше пользы.

Отец Габриэль отвлекся от унылого пейзажа за окном и обернулся в комнату. Обложенная зелеными изразцами печь изо всех сил стремилась вытеснить плотно обосновавшуюся в помещении промозглость. По какому-то странному стечению обстоятельств кабинетом главы представительства служила именно та самая комната, где некогда Лютер переводил Библию и спорил с дьяволом. В единственном резном кресле у старого затертого стола, где и поныне покоилась раскрытая

посредине раритетная Библия, восседал пожилой мужчина в серой рясе. Тяжелые костистые ладони священника покоились на резном набалдашнике дубовой трости. Цепкие умные глаза пытливо глядели на Габриэля из-под кустистых седых бровей. Якоб фон Кройц, его бывший начальник, а ныне просто друг и наставник, задумчиво посмотрел на Фарта, но затем перевел взгляд на лежащее на столе письмо, а точнее — приказ о назначении Габриэля великим инквизитором Нейтральной зоны. Приказ был подписан патриархом Алексием и заверен печатями святого синода — следовательно, являлся самым что ни на есть настоящим и обжалованию не подлежал. Отец Фарт сердито покосился на злополучное письмо, настигшее его сегодня утром, едва он вернулся из разведывательной поездки вместе с несколькими рыцарями святой инквизиции, и тяжело вздохнул.

— И как прикажешь все это понимать, брат Якоб? — недовольно спросил отец Фарт. Его голубые глаза потемнели от негодования.

— Как новый виток твоей стремительной карьеры, брат Габриэль, — прозорливо усмехнулся фон Кройц. — Не все же тебе в Вартбурге прозябать, зарабатывая себе ревматизм и прочую немощь, гнездящуюся в этих сырых стенах. — Якоб грустно посмотрел на свои больные ноги. — Ты молодой, деятельный...

«Да уж, — мрачно подумал Фарт, — молодой, тридцать восьмой год уже пошел», а вслух ответил:

— Вот это-то меня истораживает, брат Якоб. Ведь иные главы представительств постарше меня будут и в инквизиции провели отнюдь не семь лет, а как минимум вдвое больше. Да и в самом Будапеште наверняка нашлись бы более подходящие кандидаты...

— Ну про Будапешт ты глупость сказал, — нахмурился старик. — После всего что там всплыло, они просто обязаны поставить на этот пост человека со стороны, ибо местные себя дискредитировали. Что же до всего остального, так у тебя за шесть лет ни одного провала. Все расследования по справедливости проведены, скольких оклеветанных от костра спас...

— Судьба подарила мне хорошего учителя. — Тонкие

губы отца Фарта тронула признательная улыбка. — Местные ведьмы на тебя чуть ли не молятся...

— Грош цена была бы моей учебе, если бы в тебе нужной жилки не обнаружилось, — скромно отмахнулся Якоб фон Кройц, приподнимаясь и передвигая кресло поближе к огню. — Посему вот тебе мое благословение, брат Габриэль, принимай предложенную должность. Глядишь, может, благодаря таким, как ты, и отношение к нашей братии изменится.

Отец Фарт отрешенно разглядывал грубые доски, которыми некогда обшили стены кабинета. Что ж, возможно, Якоб и прав. Однако грызущее его изнутри сомнение не утихло, все больше подъедая шаткое спокойствие. Невольно вспомнилась Вена, события семилетней давности... В тот год резко участились случаи одержимости, зашевелились мертвецы на считавшихся спокойными кладбищах... Но стоило Габриэлю копнуть те дела поглубже, как в городе едва не закопали его самого. Он чудом избежал церковного трибунала, а тут как раз и должность старшего дознавателя в Вартбурге подвернулась...

И вот теперь, кажется, все повторяется снова, пусть и с некоторыми отличиями. Габриэль задумчиво воззрился на карту местности, висящую на стене. Его взгляд приковала кучная россыпь красных флажков к западу от Айзенаха, близ которого и стоял Вартбург. Подобными значками в ордене принято отмечать места, где фиксировались всяческие дурные явления, вызванные довольно сильными всплесками магии. *Danza macabre* — пляска смерти, когда поднимаются целые кладбища, — явление редкое, происходящее от силы раз в пять — семь лет. Но уже четыре раза за последние полгода Габриэлю приходилось в срочном порядке лично выезжать на место происшествия. Он умирал одну группу неуспокоенных и тут же натыкался на другую. Не стоит забывать о нехарактерных для лета разгулах духов и призраков, а еще об их повышенной агрессивности, проявляемой к людям. Два случая одержимости... И все это щедрой россыпью прямо у него под боком!

Местные колдуны и ведьмы клялись и божились, что не имеют никакого отношения к происходящему; дескать, это не их рук дело. И Габриэль им верил: ведь чтобы такую бучу

поднять, у местной колдовской братии силенок не хватит, даже если все их способности сложить. К сожалению, несколько попыток пробраться к центру странной энергетической активности окончились ничем. А после того, как он поднял все доступные ордену исторические архивы и выяснил, что в свое время где-то в этих краях располагался иезуитский монастырь, имевший отношение к Волчьему мору, очень быстро пришел приказ об этом сомнительном повышении. Ох неспроста все это, не к добру!

— ...но честно тебе скажу, брат Габриэль, — выдернул его из раздумий надтреснутый голос фон Кройца. Видно, старик все это время о чем-то говорил, а Фарт, погрузившись в собственные мысли, пропустил ценные реплики мимо ушей. — Гложет меня беспокойство. Особенно если вспомнить, как закончил твой предшественник в Будапеште.

— Насколько мне известно, мэтр Саграда погиб как герой, пытаясь уничтожить некий особо опасный еретический манускрипт, — задумчиво почесывая кадык, ответил Габриэль.

— По официальной версии — да. — Старый инквизитор с нажимом выделил слово «официальной».

Тут отец Фарт понял, что фон Кройц уже успел проверить полученную информацию по своим личным каналам и, кажется, действительность несколько отличалась от официальнойности.

— А на самом деле?

— А на самом деле к гибели мэтра Саграда приложили руку сотрудники некоего специального отдела при Дипломатическом корпусе. Конкретно — глава Высокого дома ди Таэ князь Эрик. За это я не преминул поставить князю свечку за здоровье, ибо сволочью господин Саграда был преизрядной.

— Встречались?

— Доводилось. — Якоб фон Кройц гадливо передернул широкими костистыми плечами.

— И что за отдел? — Габриэль скрестил руки на груди. Бледные лучи солнца, сумевшие пробиться сквозь свинцовые тучи, вызолотили светло-русую макушку инквизитора.

— А вот это тебе уже предстоит выяснять самому, брат Габриэль. Я сведущ, но, к сожалению, не всеведущ.

Отец Фарт тяжело вздохнул. Похоже, новое рабочее место начнет преподносить сюрпризы раньше, чем он успеет на нем утвердиться. Но ведь кое-что можно попытаться выяснить заранее... Слава Господу, существует Виллар Криэ, человек, при помощи которого он семь лет назад избежал загребущих лап церковного трибунала и очутился в Вартбурге. Насколько Габриэлю известно, почтенный теолог, помимо всего прочего, работает при Дипломатическом корпусе Единой всеблагодатной матери-церкви. При воспоминании о Криэ Фарт болезненно поморщился и машинально потер челюсть. Однако ничего не поделаешь, информация требует жертв.

По старинному поверью, если у вас вдруг начинают гореть уши, значит, о вас кто-то сплетничает. Если же ни с того ни с сего краснеют щеки, то предполагается, будто о вас думает любимый человек. А уж если вас на пустом месте одолевает занудная икота, то будьте уверены — никто не забыт, ничто не забыто. Скорее всего вас сейчас активно вспоминают, заставляя перебирать в уме всех мыслимых и немыслимых знакомых, мучиться спазмами, задерживать дыхание, пить литрами воду и тешить себя надеждой, что кто-то догадается вас напугать.

Злата задержала дыхание и постучала себя по груди. Воздух в легких кончился, госпожа кардинал облегченно вздохнула, но тут коварная икота атаковала снова, вынудив Пшертеневскую поспешно налить себе третий по счету стакан воды. Икота переждала льющуюся на нее жидкость и вновь принялась измываться над несчастной женщиной. Отчаявшись избавиться от порядком раздражавших спазмов, Злата решила прибегнуть к самому идиотскому способу: начала перечислять про себя друзей и знакомых. При упоминании о Викторе икота чуть поутихла, будто говоря: «Да-да, это он тебя вспоминает, просит привет передать за свой невинно убиенный отпуск», и, доставив сие нехитрое послание, возобновилась с удвоенной силой, дабы и виновнице сего жизнь малиной не казалась.

«Господи, — уныло подумала Злата, наполняя четвертый стакан и с прискорбием отмечая, что изящный стеклянный кувшин опустел, — сделай так, чтобы этого клоуна кто-ни-

будь треснул по башке и он наконец-то перестал меня вспоминать!»

На этой мысли ей икнулось особенно сильно, и Пшертеневская ненароком прикусила кончик языка. Госпожа кардинал поспешила приложиться к спасительному стакану. Воды там осталось меньше половины, а икота и не думала утихать. Решив хоть как-то отвлечься, Злата принялась изучать утреннюю корреспонденцию, которую в силу свалившихся на отдел обстоятельств еще не успела прочесть. Давясь икотой, она безо всякого интереса с горем пополам пересмотрела стандартный набор бюрократического бумагомарания и взялась за последний конверт из плотной кремовой бумаги, изукрашенный затейливыми узорами штампов Дипломатического корпуса, святого синода и лично патриарха.

— Боже, неужели нам повысили зарплату? — саркастически пробормотала госпожа кардинал, вскрывая письмо ножом.

Ей в руки выпал витиевато обрезанный лист, усыпанный теми же печатями и исписанный каллиграфическим почерком. Ознакомившись с содержанием, Злата резко перестала икать, но радости по этому поводу так и не ощутила, остро пожалев, что в стакане сейчас не плескается вермут или, на худой конец, обыкновенные капли для сердца. Госпожа кардинал защелкала кнопками АВС.

— Весь обратившись в слух, тебе внимаю, готов любой твой выполнить приказ, — донесся из динамика приятный баритон.

— Эрик, у тебя есть сердечная настойка? — жалобно осведомилась Злата. — Желательно градусов сорока, но можно и крепче...

ГЛАВА 2

Когда все вновь собрались в кабинете начальства, а сама госпожа кардинал немного успокоилась, она наконец-то соизволила поделиться, что же за известие едва не довело ее до сердечного приступа во цвете лет.

— К нам едет инквизитор, — мрачно произнесла Злата,

прижимая ко лбу стакан с успокоительным. По кабинету расплзлся противный аромат валерианы пополам с мятой и еще чем-то таким же терпко-ментоловым.

— И что? Мы должны устелить его путь красной дорожкой и посыпать розовыми лепестками, пока он будет идти? — язвительно осведомился князь ди Таэ.

Злата наградила его сердитым взглядом.

— Это новый великий инквизитор Нейтральной зоны, — пояснила она. — И в силу недавних, всем памятных событий патриарх просит как можно скорее найти с ним общий язык, оказывая содействие и всяческую помощь. — Посредством интонации госпожа кардинал особо выделила слово «просит», намекая на его истинный смысл.

— Но в чем именно? В пытках или лжесвидетельствах? А может, в сожжениях? — не выдержал вспльчивый Хьюго де Крайто. Слишком уж свежи его воспоминания о собственных мытарствах в застенках Серого ордена. Порезы на запястьях и шее, несмотря на вмешательство Эрика, все еще напоминали о себе.

Профессор успокаивающе положил ему руку на плечо. Конечно, лучше бы здесь сейчас находилась Анна ди Таэ, но, отправленная с Эорлин-ши в качестве посыльного, она вернется не раньше чем через полчаса. Посему придется Криэ пока самому контролировать психическое состояние своего протеже.

— Что же это за инквизитор такой, которому нужна помощь бедных дипломатов? — рассеянно потирая переносицу, пробормотал отец Рид.

— Да, пани Злата, вы ведь до сих пор не озвучили нам его имя, — с легким укором добавил отец Криэ.

Пшертневская взяла в руки письмо и, чеканя слова, зачитала:

— «Бывший глава представительства святой инквизиции в Германии, замок Вартбург близ Айзенаха, его милость отец Габриэль Фарт».

И если остальным эти сведения не говорили ровным счетом ничего, то Профессор удивленно присвистнул.

— Надо же, мой старый соперник, — пробормотал он. — Вот уж никогда бы не подумал, где доведется столкнуться!

— Вы его знаете? — Брови Пшертневской удивленно поползли на лоб.

— Мой бывший коллега по Венскому университету. Принципиален до смерти, благороден до дурости, дотошен до занудства, — дал исчерпывающую характеристику Вилдар.

— Рид, он вам случайно не родственник? — насмешливо скривил губы Хьюго.

Архонт, витавший где-то глубоко в своих мыслях, озадаченно воззрился на де Крайто, соображая, настолько ли сильно его оскорбили, чтобы немедленно извозить обидчика мордой по ковра. А Пшертневская невольно подумала, что надо бы дать Анне официальное задание воспитать заклятых коллег. Пусть дрессирует, у нее это неплохо получается.

— Вилдар, скажите, а вы не интересовались, с чего это его, такого честного и благородного человека, в инквизицию понесло? — с легким сарказмом осведомился Эрик, которого грядущее появление нового великого инквизитора почему-то начинало нервировать. Кстати, последнее князю ди Таэ тоже абсолютно не нравилось: нервничал он редко, но зато если вдруг перед каким-то событием его начинало колотить, этот сигнал мог считаться явным признаком того, что ничем хорошим пресловутое событие для него не обернется.

— Если бы не роковое стечение обстоятельств, туда бы понесло честного и благородного меня, — чуть усмехаясь, в тон целителю откликнулся Профессор.

Князь ди Таэ недоверчиво хмыкнул.

— Дело в том, — поспешил разъяснить Криэ, — что тогдашний глава немецкой инквизиции Якоб фон Кройц именно мне предлагал место старшего дознавателя, но вашему покорному слуге совершенно не хотелось забираться в тамошнюю глухомань. И вообще, и по семейным обстоятельствам в частности. К тому же именно в то время Вацлав Пшертневский начал носиться с идеей создания нашего замечательного отдела и ему требовалась моя помощь.

— И вы порекомендовали Фарта? — высказал предположение Эрик.

— Не совсем так. Габриэль неплохой экзорцист, причем для него это достижение — не просто церковная степень. Он

влез в какое-то темное дело, связанное с внезапной активностью потустороннего мира, и начал докапываться до истоков со свойственными ему дотошностью и патологической честностью. Вроде бы во всем этом оказался замешан орден иезуитов, точно не знаю. Как бы там ни было, кто-то настроил на него кляузу в церковный трибунал. И если бы мы с Ингердой вовремя об этом не узнали, отец Фарт сгинул бы в подвалах инквизиционной тюрьмы... А так он вполне легко отделался: благополучно получил должность старшего дознавателя в Вартбурге, куда и отбыл прежде, чем в трибунале успели достаточно расшевелиться, — закончил свой рассказ Профессор.

В кабинете Пшертневской вновь повисла тишина.

Вот и получается, что прибывшее ночью уведомление о новом срочном задании не замедлило повлечь за собой изрядный воз проблем. Вдобавок Злата отчего-то не сомневалась, что у этого воза есть еще и прицеп, а возможно, и не один. И если вчера вечером княгиня ди Таэ сетовала по поводу внезапного прекращения работы, то сегодня едва сдерживалась, чтобы требовательно не заорать: «Хочу в отпуск!» Вот так всегда случается: чего в жизни недостает, то нам нужно. А того, что есть, нам не надо...

Бессменный капитан «Эоловой арфы» едва заметно шевелил губами, отрешенно наблюдая, как возникают перед ним в воздухе закорючатые строки на сильфийском. Иллюзорное письмо — красивое, но практически бесполезное волшебство, характерное исключительно для его расы и почему-то совершенно недоступное для всех остальных. За многие годы оно уже вошло у зеленоволосого сильфа в категорию обыденностей, а привычка писать в воздухе причислялась хозяином к дурным. Искореняться она отнюдь не собиралась, ибо была вызвана другой, не менее дурной и неискоренимой. Капитан золотистого парусника-бабочки грешил склонностью к сочинительству... но в силу скептического отношения к своим творческим попыткам предпочитал пользоваться не бумагой, а таким вот простеньким иллюзорным волшебством. Отвел душу, выплеснул наболевшее, посмеялся над получившейся несуразицей — и развеял в воздухе, не переживая, что

кто-то когда-то эту околесицу прочтет. Вот и сейчас, задумчиво глядя на все уменьшавшуюся фигурку Анны ди Таэ, опиравшейся на хромированный руль мотоцикла и махавшей на прощание отбывающим ввысь коллегам, сильф бормотал себе под нос очередные строчки:

Это небо безмерно и чисто
Расстилается синью под ноги,
И шагаем в него мы свободно,
За спиною оставив пороги.

Пусть коварно оно и капризно,
Но легко, словно в руки любимой,
Мы лазури доверимся снова,
Зная точно, что чувства взаимны.

Небо вновь распахнуло объятия,
Жаль, не выразить этого словом,
И ликует душа в поднебесье,
Раскрываясь в парении новом.

Ветер в крылья, бывшее же — в пепел,
Никогда ни о чем не жалея;
Что сбылось, и того нам всем хватит,
А что будет, то Богу виднее...

Эорлин-ши любил небо. Любил так, как любят один раз в жизни, — страстно и самозабвенно. Наверное, из-за этого до сих пор и ходил в холостяках, хотя пребывал в самом разгаре брачного возраста, по сильфийским меркам, конечно. А еще, как и другие представители подобных профессий, он был суеверен. Не вообще, а лишь в том, что касается полетов. И он точно знал: если внести изменения в курс при взлете, то рейс можно считать пропавшим...

Так и сегодня. Едва «Эолова арфа» отдала швартовы, намереваясь осуществить небольшую халтурку, как прямо посреди палубы некстати материализовалась ее светлость златовласая магичка княжна ди Таэ и внесла кое-какие коррективы в уже намеченный курс парусника. Возможность подзаработать на стороне накрылась мокрым парусом. Курс пришлось поспешно прокладывать заново уже в воздухе, да еще возникла необходимость в короткой остановке, чтобы посадить княжну и взять на борт двух других сотрудников спе-

циального отдела. Капитан молчал, скрывая охватившее его раздражение и мысленно проклиная незадавшийся с утра день, изначально не суливший ничего хорошего.

Эорлин-ши исподволь покосился на пассажиров, махавших рукой оставшейся внизу чародейке. Девушку он видел всего во второй раз, а вот мужчину знал довольно давно и даже несколько раз предлагал ему плюнуть на дипломатию и перейти в команду «Эоловой арфы». Несмотря на разношерстность тщательно подобранного им экипажа, людей в команде Эорлин-ши как раз не имелось, особенно таких, как байкер, — сильных, уверенных, хладнокровных. Самые главные качества для истинного воздухоплателя! Но на все заманчивые предложения капитана Виктор отвечал одно и то же.

— Не-а, — лениво потягивался он, сидя на планшире, вытянув вдоль него ноги и созерцая проплывающие мимо облака, — высоты боюсь.

Сильфу не оставалось ничего другого, кроме как разочарованно вздохнуть, время от времени повторять попытку смазать байкера на «Эолову арфу», но пока все с тем же нулевым результатом.

Капитан еще раз окинул скептическим взглядом висящие перед лицом мерцающие закорючки и вскинул ладонь, намереваясь развеять их мириадами цветастых искр.

— Эй, погоди! — раздался рядом возмущенный вопль. Кинувшись вперед, Радислава поспешила перехватить руку сильфа. — Вот сейчас перепишу, а потом и удалять можешь! — Оборотничка зашарила в сумке. Невнятно ругаясь, выловила потрепанный, распухший от времени блокнот с огрызком химического карандаша за твердым корешком и, пристроив блокнот на коленке, принялась спешно переносить в него сильфийские каракули. Попутно размышляя о том, что не помешает как можно скорее обзавестись новым инструментом.

— Госпожа понимает сильфийский? — пораженно осведомился Эорлин-ши, озадаченный не столько тем, что какая-то незнакомая оборотничка списывает его стихи, сколько тем, что она вообще смогла их прочесть.

— А вы против? — Радислава подозрительно глянула исподлобья на капитана. — Это запрещено?

Сильф замялся, не зная, что ответить.

Ситуацию спас байкер. Сидя на брошенном у мачты рюкзаке, он уже успел вскрыть переданный Анной пакет и теперь просматривал его содержимое.

— Мышка, я тебя поздравляю! — иронично осклабился он.

— С чем это? — насторожилась менестрель, не отрываясь от блокнота.

— Со вступлением в доблестные ряды нашего славного дурдома, тьфу ты, отдела! — хохотнул Виктор, размахивая листом гербовой бумаги с печатями и с замшевым мешочком, приклеенным к листу сургучной нашлепкой. — Ты у нас теперь приглашенный консультант по вопросам отношений с древними расами, — продолжал ухмыляться он. — Вот приказ. На, ознакомься.

Девушка, прекратив записывать, выхватила у байкера документ и принялась сосредоточенно изучать. Эорлин-ши, видя, что странная пассажирка утратила интерес к его писанине, поспешил развеять буквы в воздухе и ретировался на мостик. Радислава, нахмурившись, дочитала приказ и витиевато выругалась. Причем половина из выданного ею на гора пассажа прозвучала на безупречном сильфийском.

— Ого... — восхищенно протянул Виктор, оценив эмоциональный выплеск подруги. — А теперь еще раз, и помедленнее...

Менестрель наградила его сердитым взглядом и принялась ожесточенно отдирать сургуч.

«Приглашенный консультант! Ишь ты!.. — яростно думала она. — Хорошо хоть не личным оборотнем записали!..» — Ей наконец-то удалось отковырнуть нашлепку. Девушка перевернула мешочек, вытрясая его содержимое в ладонь.

— ...! — взвизгнула она, так поспешно отшвыривая прочь круглый, выпавший из мешочка предмет, словно он был ядовитым пауком. Медальон, глухо бряцая, покатился по доскам.

— Что случилось? — Байкер мгновенно очутился возле нее.

— Сволочи! — обиженно всхлипнула Радислава, дуя на обожженную ладонь. — И ты тоже хорош! Мог бы предупредить, что там серебро! — Она сердито толкнула его в грудь.

Виктор поднял медальон и виновато вздохнул. Жетоны служащих Дипломатического корпуса действительно изготовлены из серебра, но раньше он как-то об этом не задумывался и теперь чувствовал себя едва ли не предателем. Пострадавшая рука Радиславы наливалась пульсирующим жжением.

— Сделай что-нибудь! — потрясая обожженной ладонью, простонала она, картинно закатывая глаза — Немедленно!

Байкер осторожно перехватил ее запястье и скептически осмотрел покрывшие кожу красные полосы, местами уже начавшие набухать водянистыми волдырями.

— Немедленно разве что поцеловать могу, — усмехнулся Виктор, — только пользы от этого, кроме морального удовлетворения, будет ноль. Я все-таки не Эрик. Лечить прикосновением не могу, только калечить...

— Ты! — Радислава мгновенно забыла о противном жжении и попыталась треснуть байкера свободной рукой.

— Ну вот, уже дерешься. Значит, не все так плохо. Идем вниз, наверняка у корабельного лекаря найдется что-нибудь от ожогов. Ножками дотопаешь?

Девушка с фальшивым стоном повисла на Викторе, мстительно оттопав ему ногу. Оружейник недолго думая перекинул подругу через плечо и под возмущенные вопли спустился на нижнюю палубу.

Эорлин-ши изваянием застыл на мостике, выжидательно взглядываясь в линию горизонта. Темная бугристая полоса, которую можно было сначала принять за горы, пухла и росла как на дрожжах, наползая на тихое небо. «Эолова арфа» стремительно летела прямо в надвигающуюся грозу. Сильф тяжело вздохнул. Соваться сейчас на паруснике в искрящую зарницами тучу равносильно самоубийству. Прошлый такой полет изрядно подпортил его обожаемую «Арфу». Когда он привел корабль на верфь в Малых Бескидах чиниться, выяснилось, что чертежи, по которым там некогда и создали «Эолову арфу», исчезли. А без них полностью исправить некоторые повреждения оказалось довольно проблематично. Судно чинили наугад, а точнее, фактически методом научного тыка. Разозленный такой халатностью, капитан лично перерыл все хранившиеся на верфи чертежи, после чего выяс-

нилось, что исчезли не только его схемы, но еще и технические паспорта нескольких других кораблей — тяжелых боевых парусников. Вот это сильфу уже совсем не понравилось. Первая мысль, посетившая его в связи со случившимся: «Кто-то намеревается создать воздушный парусник за пределами верфи — легкий, маневренный и быстроходный, как «Арфа», но мощный и смертоносный, как те боевые корабли, чьи чертежи тоже пропали».

Вообще-то сильфы никогда не делали особого секрета из подобной информации. Нужны тебе чертежи — пожалуйста, бери, копируй, только перед этим, уж будь добр, оформи все как положено: бумаги нужные заполни, за пользование налог уплати... А здесь... Похоже, кем бы ни являлся неизвестный похититель, он явно не желал оставлять никаких зацепок, способных привести к его темной персоне. А значит, всевозможные пакости от него гарантированы. Заявлять о пропаже оказалось бесполезно. В документохранилище на верфи сотрудники наведывались хорошо если раз в несколько месяцев, да и то по большой надобности, поэтому выяснить, когда именно пропали чертежи, не представлялось возможным. И если бы не дотошность Эорлин-ши, там скорее всего еще долго не узнали бы о пропаже...

Порыв ветра холодным языком мазнул капитана по лицу, растрепав и без того всклокоченные волосы и напомнив о надвигающейся грозе.

— Штурмана на мостик! — негромко приказал он, не сомневаясь, что его услышат.

Седой, кряжистый гиперборей возник перед сильфом беззвучно, словно вынырнул из воздуха. Рядом с ним аристократичный Эорлин-ши смотрелся чуть ли не подростком, будучи на две головы ниже штурмана и в полтора раза тоньше.

— Дон Салазар, нам нужно прибыть в Петербург к вечеру. Много мы потеряем во времени, если попытаемся обойти грозу? — без обиняков осведомился капитан.

Гиперборей взгляделся в расплывающуюся по небу черноту, затем сверился с погодными сводками, которые клятвенно заверяли его, что никакой грозы в этом месте быть не должно.

— Боюсь, мы попросту не успеем этого сделать, — покачал головой штурман. — Она накроет нас раньше, чем парусник уйдет в сторону. Максимум, на что у нас хватит времени, — это сместиться настолько, чтобы обойти неблагоприятную зону по краю. Но предупреждаю, это очень рискованно. Я не дам никакой гарантии, что нас не затянет в самую середину. Воздушные потоки на краю грозового фронта слишком непредсказуемы, капитан.

— Отлично, — кивнул Эорлин-ши. — Пойдем по краю на большой скорости. Маневровую команду — на палубу!

Дон Салазар с опаской покосился на быстро надвигающуюся грозу. Впрочем, за время его штурманства на «Эоловой арфе» капитан и не такие трюки проделывал. Авось и в этот раз пронесет...

Его светлость герцог Алоизиус, достопочтенный глава Высокого дома ди Амбер, тоскливо глядел в зеркало, ожидая, пока вышколенный слуга покончит с процедурой бритья, столь ненавистной капризному мессире. Та мизерная доля эльфийской крови, что текла в жилах его упитанной светлости, частично повлияла на человеческую физиологию, избавив ди Амбера от ежеутреннего нервомотательства с выскабливанием щек и подбородка. И поэтому данной процедурой господин Алоизиус «наслаждался» лишь раз в неделю, но и эта еженедельная пытка вгоняла его в тоску и раздражительность. Итак, герцог ди Амбер тоскливо глядел на свою намыленную физиономию, отражавшуюся в зеркале работы муранских мастеров, и размышлял о превратностях судьбы. Христоваль Саграда мертв... С одной стороны, это известие не могло не радовать: инквизитор слишком много знал. Покуда команданте был жив, всегда оставалась угроза, что он решит сыграть на два фронта и посвятит нынешнего главу Высокого дома ди Таэ в неизвестные подробности того старинного нападения. А с другой — его светлость лишился сильного союзника в борьбе против семьи ди Таэ. А ведь он все еще не терял надежды довести начатое до конца... И пусть у ди Таэ сейчас нет былой мощи, но кто сказал, что дом не возродится? Тем более что до почтенного герцога дошли туманные слухи о женитьбе князя Эрика. Слухи, конечно, сомни-

тельные, ибо его осведомителей, происходящих из рода Миразн-э'Тимеро, мало интересовала личная жизнь какого-то целителя. Выражаясь точнее, они собирали сведения исключительно о своем отступнике, но то, что правящий клан архангелов счел информационным мусором, весьма пригодились главе дома ди Амбер. Ах да... Еще этот странный юноша, спутник Анны ди Таэ. Молодой, но, бесспорно, сильный маг. И везучий.

«Вот тебе еще одна загадка, Алоизиус, — размышлял достойный герцог. — Откуда взялся сей талант?» На его памяти лишь один Высокий дом обладал подобными навыками, отдавая предпочтение земле перед другими стихиями. К счастью, злополучные де Крайто уничтожены, прах к праху, как говорится, — тут уж Саграда расстарался. «А, ладно, уберем и этого непонятного мальчишку до кучи с ди Таэ. Убьем одним заклятием трех вурдалаков...»

Слуга наконец-то закончил измываться над лицом его светлости и промокнул гладко выскобленные щеки салфеткой. В дверь деликатно постучали.

— Да! — недовольно откликнулся ди Амбер, расправляя кружевные манжеты своего камзола. Более всего на свете сиятельный герцог любил себя, и только себя.

На пороге опочивальни возник расхристанный малый в потертых холщовых штанах с множеством карманов и в безрукавом тельнике.

— Капитан Даграй велел спросить, будете ли вы на борту или нам без вас взлетать?

— Передайте капитану, что если ему нужно о чем-то мне доложить, то пусть является сам! — раздраженно огрызнулся герцог. — Да, я прибуду на борт. — Его светлости не терпелось испытать новую смертоносную игрушку, пусть бы и в учебном полете.

Рассеянные солнечные лучи, проникая сквозь иллюминатор, скользили по небольшой каюте в недрах парусника. Оборотничка, расслабленно откинувшись в широком кресле, благосклонно следила за тем, как байкер бинтует ей пострадавшую руку. У корабельного лекаря действительно нашлась мазь от ожогов. Убедившись, что пассажиры в состоя-

нии обработать себя сами, заспанная сердитая лемурка всучила им мазь, бинт и, захлопнув дверь перед носом пациентов, отправилась досыпать.

— Надеюсь, у Анны не возникнет проблем с телепортацией байка, — вполголоса пробормотал Виктор, старательно закрепляя кончики бинта, но не спеша выпускать из пальцев ладошку Радиславы.

Менестрель чуть заметно нахмурилась. Она немного жалела, что не успела попросить княжну при телепортации «нечаянно» утопить адскую машину в первом встречном болоте. Проницательная оборотничка быстро поняла, что помимо работы ей придется делить своего мужчину еще и с его мотоциклом, но решила пока потерпеть эту ложку дегтя в бочке меда.

Тут корабль ощутимо тряхнуло, будто он угодил в воздушную яму. Менестрель с байкером озадаченно переглянулись. Преодолев воздушную яму, «Эолова арфа» решила на этом не останавливаться. Резко накренившись на правый борт, судно заложило крутой вираж. Радислава едва не вылетела из кресла, а парусник поспешил повторить маневр в зеркальном отражении.

— Что за чертовщина тут происходит?! — изрядно побледнев, выдавила оборотничка, переждав, пока подпрыгнувший к горлу желудок уляжется на место.

— Если бы я знал! — поскреб макушку Виктор. — Раньше эта посуда такого не вытворяла. Великий Элвис! — Он резко вскочил на ноги и едва не треснулся головой о низкий потолок. — Я же шмотник на палубе оставил! Будь тут! — бросил он через плечо, поспешно выбираясь из каюты.

На палубе царила суматоха, правда, вполне организованная. Налетавший порывами сильный ветер заставлял маневровую команду заполошно носиться между такелажем, словно мошек-самоубийц — между сетями паутины. Байкер, доселе не видевший «Эолову арфу» во время маневрирования, ошеломленно смотрел, как вроде бы статичные составляющие мачт разъезжаются и тасуются в произвольном порядке, лоя ветер и придавая паруснику недюжинное ускорение. Отыскав взглядом отлетевший к фальшборту рюкзак, Виктор поспешил к находке. Но тут корабль еще раз хорошенько

тряхнуло — раскрылись прятавшиеся в бортах маневровые крылья. Байкер не удержался на ногах, прокатился по палубе и пребольно треснулся плечом о фальшборт. Парусник лег на крыло, уходя от зарницы, сверкнувшей в опасной близости. Многострадальный потрепанный рюкзак вылетел за борт. От повторения его участи Виктора спас Эорлин-ши, успевший схватить байкера за руку и выдернуть под защиту своего силового поля.

— Просвиру вам в селезенку! — выругался оружейник, уныло наблюдая за тем, как его вещи исчезают внизу. — Что здесь происходит, капитан?

— Мы пытаемся обойти грозу, Виктор-ши, — деловито пояснил сильф. — Вам лучше вернуться в каюту и не путаться под парусами. Левый маневровый, лови ветер! Лови, шувгей¹ тебя заberi! Затянет! — Это уже относилось к красноволосо-му пиксу, несвоевременно ослабившему трос.

Стоило Виктору под прикрытием Эорлин-ши добраться до лестницы, ведущей вниз, как на палубу выбралась изрядно позеленевшая Радислава. Байкер поспешил поддержать шатающуюся подругу.

— Чего ты вылезла? — напустился он на нее. — Здесь опасно!

— Лучше я быстро и безболезненно... умру... на свежем воздухе, — судорожно сглатывая, выдавила менестрель, — чем долго и мучительно... в душной каюте...

Сильф тяжело вздохнул. Похоже, отправить пассажиров вниз не удастся. Обратничка не вернется в каюту даже под страхом смерти, а человек не бросит ее на палубе одну.

— Идите лучше на мостик, — поразмыслив, посоветовал Эорлин-ши. — Там создано стабильное силовое поле, и никому из команды не придется отрываться от работы, чтобы прикрыть вас.

«Эолова арфа» продолжала выписывать кренделя высшего пилотажа, то резко планируя вниз, то почти вертикально взмывая вверх. Развитая парусником скорость поражала. Если бы не защитное поле капитанского мостика, Виктору с Радиславой пришлось бы несладко. Впрочем, обратничка и

¹ Шувгей — нечистая сила, возникающая в виде смерча или ураганного ветра. — *Здесь и далее примеч. авт.*

без того чувствовала себя весьма паршиво, но возвращаться в каюту отказалась наотрез. На палубе ее обдуло ветром, и она перестала напоминать зеленое земноводное, но по-прежнему продолжала судорожно цепляться за байкера, а на каждом выраже меняла цвет лица с бледного на очень бледный.

Слева от парусника шла темная, почти черная клубящаяся хмарь, так и норовившая затянуть в себя корабль. Вылетавшие из нее зарницы несколько раз едва не достали «Эолову арфу». Маневровая команда изо всех сил стремилась как можно быстрее вывести парусник за пределы грозы. Клубящаяся, прорезаемая молниями стена смерча начинала изгибаться, уходя прочь, впереди уже простиралось чистое небо, но до него еще оставалось несколько минут полета. Корабль тряхнуло и начало заваливать на правый борт.

— Левый, левый маневровый! Держи! Держи, шувгей тебя унеси! — Эорлин-ши перемахнул через перила мостика и кинулся на помощь выбившемуся из сил пиксу.

Вдвоем им удалось натянуть заполоскавшийся парус. Корабль выровнялся, но ненадолго. Очередная зарница, прорезав черную хмарь, попала в маневровое крыло. Парусник сильно встряхнуло и едва не опрокинуло на бок. По левому борту факелом запылало вышедшее из-под контроля крыло. Пикс и сильф неподвижно лежали на палубе. Отпущенный парус вольно развевался на ветру. Капитан почти сразу вскочил, пытаясь перехватить трос и выровнять полотно. Пикс, кажется, находился без сознания. Налетавшие порывы ураганного ветра так и норовили вырвать маневровый канат из рук Эорлин-ши. «Эолова арфа» все больше заваливалась на правый борт, рискуя перевернуться вверх дном...

— Мы сейчас перевернемся! — испуганно пискнула Радислава.

Байкер только мрачно кивнул, прикидывая, успеет ли он добраться до капитана раньше, чем парусник окончательно уляжется на бок. Ясно, что один Эорлин-ши не справится.

— Стой здесь, — коротко бросил оружейник, отцепляя от себя оборотничку и спрыгивая на палубу.

Помощь Виктора оказалась весьма кстати, ибо зеленоволосый сильф уже практически ехал по доскам за треплющимся парусом.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая. КУСОЧКИ ГОЛОВЛОМКИ	8
Часть вторая. МЕНЬШЕЕ ЗЛО	175
<i>Эпилог</i>	343